Илья Члаки

УМЕРЕТЬ – ЗНАЧИТ, ЖИТЬ!
(ГЕНРИЕТТА И СЕРАФИМ)

Действующие лица:

Генриетта

Серафим

Катерина

Ольга Карловна

Гавриил Теодорович

Квартира Генриетты. На диване лежит Генриетта.

ГОЛОС ГАВРИИЛА ТЕОДОРОВИЧА. Ёшь твою налево! Что творится! Стоять, зараза! Я тебя, падла!.. Ну ты посмотри, что делает, стерва! Я так не могу работать! У меня зла не хватает!

Выходит Гавриил Теодорович.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Девушка! Вы меня простите, но тут такая!.. Где вы?

ГЕНРИЕТТА. Что тебе?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А чего вы там?.. Как же это?.. Я пришел, а вы... Я ж работаю!.. А вы... Непонятно что-то... Как вас зовут?

ГЕНРИЕТТА. А что?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну, просто, чтоб знать.

ГЕНРИЕТТА. Генриетта.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего?

ГЕНРИЕТТА. Имя такое.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да-да, это может быть... А чего вы лежите? Я ведь здесь, никуда не ушел... Болит чего? Или так? Отдыхаете, значит.

ГЕНРИЕТТА. Ты что-то хотел спросить?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да. То есть, нет. Чего мне спрашивать, я все понял. Вы лежите, отдыхаете, я работаю, все понятно... Недавно въехали? Вроде, не видел вас раньше.

ГЕНРИЕТТА. Вчера.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я ей так и сказал, не верит... Да тут одной, соседке вашей. А кому как не мне знать? Кто за домом следит, благодаря кому стоит он, до сих

пор не падает? Вот так. Я тут всех знаю. Меня Гавриилом зовут. Теодоровичем.

ГЕНРИЕТТА. Что?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Отчество, значит, Теодорович. Отец Теодором был, я – Теодорович. А чего – красиво.

ГЕНРИЕТТА. Да, мне нравится.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну уж. Никому не нравится, а вам...

ГЕНРИЕТТА. Испанец?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Кто?

ГЕНРИЕТТА. Ты.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не дай бог – русский.

ГЕНРИЕТТА. А отец?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И он русский. Просто дед дурной был, выдумщик. Книжки читал. Что ты хочешь – ученый, это я – дурак неграмотный, а дед голова был.

ГЕНРИЕТТА. Знал его, что ли?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Кто ж его не знал. Известный ученый, профессор, его каждая собака знала. Да-да, не смотрите. Он даже с царем был знаком. Дружили они или не знаю что, но тот советовался с дедом иногда, часто даже. А тут революция приключилась. И пошло-поехало. Умного, образованного человека, знаменитость арестовали, сослали... И жизнь моя - под откос, в обрыв, на свалку! Вот так, милая девушка, так Герни... Гарни... Как, говорите, вас?..

ГЕНРИЕТТА. Неважно.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот я и говорю.

ГЕНРИЕТТА. Куда деда сослали?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Как положено – в Сибирь, куда ж еще. Кто только за него не хлопотал. Да-да, и Дзержинский, и этот... и... и Ленин тоже, лично просил, умолял, на коленях валялся, а тот – ни в какую, подлец. Как, говорит, сказал, так тому и быть. Сволочь! И пошли наши мытарства по тюрьмам, ссылкам да каторгам. А там не до учебы, там работать надо, соки из тебя все выдавливают, кровушку выпивают. Отец-то еще успел, поднабрался кой-чего, науки там разной, искусства... А я не смог, неграмотным взрос.

ГЕНРИЕТТА. Понятно.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Разве это может быть вам понятно? Чужие муки и страдания понять невозможно. А я весь во всем этом, места живого - ищи, хоть убей, не найдешь.

ГЕНРИЕТТА. Тебе сколько лет, Гавриил Теодорович?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. По жизни или в действительности?

ГЕНРИЕТТА. По жизни.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Пятьдесят семь, возраст - хоть куда, хоть никуда, ни туда и ни сюда. Жил себе жил, и вдруг – хрясь – и пятьдесят семь! Вот и мучаюсь. И что ты супротив этой цифры поделаешь? Сдохнешь, а ход истории не переменишь! Жизнь – штука не из приятных! А вам?

ГЕНРИЕТТА. Двадцать три.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Молодость... хорошо вам.

ГЕНРИЕТТА. Лучше не бывает.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А чего, неверно говорю? Поживите с мое, сами будете так думать.

ГЕНРИЕТТА. Давно живешь?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не очень, бывает люди и дольше тянут, но все же срок немалый.

ГЕНРИЕТТА. Сколько?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Немногие на такое способны.

ГЕНРИЕТТА. Лучше молчи, все равно соврешь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Обижаете, я никогда не вру. Я человек честный, правдивый. Сами подумайте, зачем мне вам врать? Вижу вас, может, последний раз в жизни. Оно мне надо?

ГЕНРИЕТТА. Зачем же про деда врал?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну... Может, и не просил за него Дзержинский, а уж Ленин, Владимир-то Ильич наш, хлопотал наверняка. Отец своими глазами видел.

ГЕНРИЕТТА. Понятно.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну не знаю, что там у него с Лениным было, тоже мне фигура, про царя, батюшку нашего, уверен, тут хоть что говорите, не сдамся, насмерть стоять буду. Царь к нему очень прислушивался, потому и тянулся.

ГЕНРИЕТТА. Столько тебе лет, а ты все врешь и врешь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Зачем же вы эдак, нехорошо, нельзя так разговаривать, некрасиво. И потом, мое это дело, что хочу, то и говорю. А ежели вам не нравится – извините, мы вас сюда не звали, да, и нечего нам глаза мозолить. Вру я, видишь! Куда без него, без вранья-то, деваться, знаете?! Не соврешь – совсем тюхнешься. Так и будешь ходить навсегда тюхнутым. Слушайте, чего умные люди

говорят, пожил, знаю. Эх, девушка, молодая вы, глупая, потому и не верите. Я вам по жизни в отцы гожусь, у меня опыт, понимание! А вы все улыбаетесь, посмеиваетесь надо мной, будто дурак я какой... Господь с вами! Идите с миром, куда шли! Я вас не тревожил и вы меня... Не разберешь вас, молодых! Видно, люди пожившие правильно говорят: одно у вас на уме, только о нем и думаете!

ГЕНРИЕТТА. О чем?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вы, поди, лучше меня знаете!

ГЕНРИЕТТА. Не поняла.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Э-э, да что говорить!..

ГЕНРИЕТТА. Ну-ну?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Все вы одним цветом рисованы, и в головах ваших лишь грязные помыслы...

ГЕНРИЕТТА. Ты про траханье, что ли?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот оно!..

ГЕНРИЕТТА. Как же об этом не думать. Глядя на тебя, поневоле задумаешься. Теодорыч, Теодорыч!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Что?

ГЕНРИЕТТА. А ты? Ну?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Что?

ГЕНРИЕТТА. Не против со мной?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего?

ГЕНРИЕТТА. Того, мой милый, того. Ах, не томи, не изводи меня, красавец, жеребец необъезженный!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего?

ГЕНРИЕТТА. Раздевайся, гигант.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ой, девушка...

ГЕНРИЕТТА. Было дело, давно и неправда. Что замер? Пользуйся, пока предлагаю.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не туда клоните, уважаемая.

ГЕНРИЕТТА. Не нравлюсь? Снимай штанишки.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Нехорошо разговариваете, неправильно.

ГЕНРИЕТТА. Смотри, какие ножки... А здесь что у нас... Загляни, не стесняйся. Смелее, смелее. Не хочешь потрогать? Ну что же ты? Прикоснись...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну, вы даете!..

ГЕНРИЕТТА. Даю, даю! А ты не берешь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Разве можно?..

ГЕНРИЕТТА. Нужно! Я ведь как тебя увидела, сразу подумала: вот он тот, о котором всю жизнь мечтала, который мерещился во сне и наяву. Красивый, стройный, сильный, умный. Краше тебя никого не встречала. Что ж ты, милый? Не стой, прошу тебя, покажи, на что способен.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Коли правду говорите...

ГЕНРИЕТТА. Правдивей не бывает.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я способен, не смотрите, что в возрасте, не думайте...

ГЕНРИЕТТА. Валяй, показывай.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И не сомневайтесь даже. Пиджачок сниму... руки вот... работа такая... я оботру, не думайте, я понятливый...

ГЕНРИЕТТА. Раздевайся.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И рубаху снять?

ГЕНРИЕТТА. Все снимай.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Эх, где наша не пропадала! Вот чего спросить-то хотел... Может, выпьем, а? Или нет у вас? Так я сбегаю, моментом, и моргнуть не успеете.

ГЕНРИЕТТА. Раздумаю, пока бегать будешь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я быстро.

ГЕНРИЕТТА. Отчество у тебя звучное, а сам – вроде жижи какой-то.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да что вы, зачем? Я не такой и не думайте даже... Почему я – вроде жижи?

ГЕНРИЕТТА. Утекаешь все время.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да куда ж? Вот он я. Ну, хорошо, без выпивки, значит, без выпивки. Оно, конечно, хуже, но ничего, видно, не поделаешь. Раздеваться, говорите? Это я мигом, тут меня уговаривать не надо. Покажу вам, на что способен, сами убедитесь. В ванную только зайду, можно? Руки-то, вон грязные какие. Не могу же я до кожи вашей белоснежной дотронуться – замараю. Не хочу такую вещь запачкать, попортить. Я сейчас, сейчас...

Гавриил Теодорович ускользает в ванную комнату.

ГЕНРИЕТТА. Скука смертная. "Теодорыч"... Послал же Бог!.. Не везет мне, всю жизнь не везет! Дед-профессор, друг царя, папаша - ссыльный!.. Ах, милый мой,

если б ты знал, сколько я живу, ты бы не плел этой чепухи. Эй, сколько, говоришь, маешься? Утонул, что ли, или оглох? Какую жизнь живешь?

ГОЛОС ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧА. Тут у вас кран течет, так каплет, что ничего не слышно.

ГЕНРИЕТТА. В который раз пятьдесят семь?

Гавриил Теодорович выходит.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Зачем такие вопросы? Мы не должны спрашивать, живем себе и живем. И думать незачем.

ГЕНРИЕТТА. Правильно, не думай.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Нет, ну правда? Чего подсчитывать? Я же вас не спрашиваю. Мне совсем неинтересно. Да хоть в сотый раз, какое мне до этого дело? Вам теперь сколько? Двадцать три. И дай вам Бог здоровья прожить этот год без недоразумений. Такой у вас возраст хороший. Двадцать три... вы радоваться должны.

ГЕНРИЕТТА. Чему?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да, Господи, что вы прожили целый год – не день, не два, не месяц – год, год! А в следующем году вам опять двадцать три стукнет, а через год снова... И эдак каждый раз! Вы только вдумайтесь, какое это счастье небывалое! Многие кое-как сотню раз протянут и нету их, сгинули! Бывает и того меньше. И чего? Что они видели? Ничего! Что толку от их бестолкового пребывания? Зря время потеряли. Я считаю, таким и рождаться не надо было. А уж коли родился, так будь любезен. Человек, он оттого и человек, что к жизни рвется, думает, как бы побольше побултыхаться, побарахтаться. Многие, конечно, этого не понимают, а все равно глупостей не говорят, живут себе потихоньку, ни о чем не думая. Тоже правильно, дали возможность – живи, потому как это главное! Мы же люди! Жить должны, вот что! Я, конечно, другое дело, не такой как все, мне думать хочется, соображать, кумекать, и оно мне нравится. Почему? Потому что жизнь за мной, долгая, интересная жизнь пятидесятисемилетнего человека. И мой собственный многолетний опыт.

ГЕНРИЕТТА. Выглядишь молодо.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Человек, который в жизнь верит, всегда сохраняется лучше.

ГЕНРИЕТТА. Больше трехсот тебе не дашь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Думаю много, поэтому и выгляжу – как из бани. Правду сказать? Ни за что не поверите. Сказать?

ГЕНРИЕТТА. Ах, Теодорыч!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Шестьсот четырнадцатый пошел. С моими пятьюдесятью семью, конечно. А?! Удивил?! Вот так, милая девушка. А вы говорите! Да разве ж я смогу после этого с вами, такой красивой, молоденькой?.. Я человек совестливый... Негоже таким старым за девчонками ухлестывать. Седьмую сотню разменял – это вам не кран завернуть. Такого насмотрелся, не приведи Господь.

ГЕНРИЕТТА. А кран течет. Никакая прокладка не поможет.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Какой кран? Вы что-то подразумеваете, а я не пойму намека вашего тонкого. Чего этим сказать хотите?

ГЕНРИЕТТА. Береги кран, говорю.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Каплет, не беда, не в нем дело. Я ведь вам совсем про другое, уважаемая Генри... Гарни... А кран я починю, можете не сомневаться.

ГЕНРИЕТТА. Хреновый из тебя трахальщик, вот что я скажу.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Прямо сейчас и посмотрю.

ГЕНРИЕТТА. Иди уже, надоел.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да-да, что-то я заболтался, извините...

Гавриил Теодорович пятится в ванную. Стук в дверь. Он останавливается.

ГЕНРИЕТТА. Входи, открыто.

Входит Ольга Карловна.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Здравствуйте, мы ваши соседи. Вот, познакомиться пришли – Ольга Карловна, здравствуйте.

ГЕНРИЕТТА. Генриетта, без отчества.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А молодым отчества и не идут.

ГЕНРИЕТТА. Тем более, когда его найти невозможно.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Кого?

ГЕНРИЕТТА. Отчество-отчество.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А-ха-ха, а вы с юмором, люблю людей с юмором!..

ГЕНРИЕТТА. Какой уж тут, к черту, юмор, не до шуток. Пропало отчество, сгинуло, нет его и никому неизвестно, было ли когда.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Вот как бывает... Бросают отцы детей своих единокровных... Никакой, извините, морали у людей не осталось.

ГЕНРИЕТТА. Какая еще мораль, если мамаша не помнит, с кем она спала вчера, год, сто лет назад! Иди, разберись, там мужиков такое количество перебывало... И каждый может считаться моим отцом. Я, собственно, не возражаю, плевать мне на

это.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Да, я понимаю вас...

ГЕНРИЕТТА. Тем более, что они передохли давно, ни одного не осталось.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Вы так уверенно об этом говорите... А вдруг есть все же кто-то? И, представляете, именно он – ваш отец! И ваше счастье ходит рядом с вами, а вы даже об этом и не догадываетесь... Ведь вашим отцом, я так поняла, может оказаться любой мужчина...

Выходит Гавриил Теодорович.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Вот, хоть Гавриил, например.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не получается у меня чего-то... Каплет и каплет.

ГЕНРИЕТТА. Ни черта у него не получается. Ни руками, ни всем остальным. А ты говоришь – дети.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Здравствуйте, Ольга Карловна. Познакомиться пришли? И я вот, тоже... Я так думаю, кран нужно целиком менять. Даже точно.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Какой вы сегодня странный, Гавриил. Меняйте, если нужно, и незачем даже об этом говорить.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну да, вот я и говорю... А насчет... вы не правы, Герни... Могу! Еще как могу!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я не понимаю. Что – можете?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Все! Не смотрите, что уже пятьдесят семь... Вот. Пойду я. Кран поищу... то есть... Ну да, кран, он и есть кран... Найду и приду... До свидания, прощайте, извините, если что не так, и не поминайте, как говорится... До скорого.

Гавриил Теодорович выходит.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Хорошая у вас квартирка, уютная. Так все симпатично обставлено... Вот если бы занавесочки повесить... А знаете, у меня, кажется, есть прежние, могу вам отдать... Такие приятные – в цветочек с листиками. Я вам их подарю, мне они совсем ни к чему, лежат без дела. И не выбросишь – почти новые. Да, прекрасная мысль, так я и сделаю. Подарок с меня, Генриетточка. А вы никуда не собираетесь? Будете дома? Так я сейчас же и принесу.

ГЕНРИЕТТА. Не нужны мне твои занавески.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ах, деточка... Вы только на них взглянете и сразу все поймете. Увидите, как оживет ваша квартирка, когда мы их повесим. Да что там, у вас совершенно другое настроение появится. Когда они у меня висели, так было спокойно,

радостно на душе, даже передать невозможно...

ГЕНРИЕТТА. Чего ж сняла?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Другие купила. Так я сейчас.

ГЕНРИЕТТА. Давай, только занавесок не приноси.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Неприятно, первый этаж все же, люди проходят, заглядывают...

ГЕНРИЕТТА. Не колышет.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я принесу, а там поглядим.

ГЕНРИЕТТА. Тебе сколько лет, что ты такая шустрая?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Что, простите?

ГЕНРИЕТТА. Лет сколько?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ох, старая уже... лучше не вспоминать... Сорок девять. Произношу эту цифру и страшно становится... Где моя молодость!..

ГЕНРИЕТТА. Молодец. Лет двести прожила?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ах, вы об этом... Триста шестьдесят один. И собираюсь еще не одну сотню лет прожить.

ГЕНРИЕТТА. Бог в помощь.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Да-да, да-да... *(Выходит).*

ГЕНРИЕТТА. Кто бы знал, как мне все это осточертело, одно и то же, одно и то же!.. Как я устала!..

Входит Ольга Карловна.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я и забыла совсем!.. Вот и говори после этого, что сорок девять – не возраст! Я же вам, Генриеточка, гостей привела, ну, по-соседски, познакомиться, поболтать. Привести-то привела, да в коридоре оставила, и сказать о них забыла. Совсем голову потеряла. Ну, так что?

ГЕНРИЕТТА. Что?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Познакомитесь?

ГЕНРИЕТТА. Как раз об этом думала.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Вот и прекрасно. И вам веселей будет. Они у меня ребятки славные, компанейские, так что общий язык найдете. Это с нами, со старыми, вам разговаривать не о чем, а тут совсем иное дело... Вы же одного возраста...

ГЕНРИЕТТА. Так долго не живут.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ну вы скажете!.. Катеньке двадцать пять, а Серафимушке двадцать семь...

ГЕНРИЕТТА. Кому?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Племяннице моей – Катеньке.

ГЕНРИЕТТА. А другого как зовут?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ах, вы о Серафиме... Странное имя, правда? Мне тоже не нравится. Я даже просила его поменять на какое-нибудь попроще, чтоб не стыдно было. Хоть Иваном, все лучше. А с таким именем, вы понимаете, конечно, и на улице показаться неприлично. Так он не хочет. Говорит, как назвали, с тем и будет ходить. Характер у него, если честно, малоприятный. Скверный, можно сказать. И человек он... слова не подберешь. Ну, да не мое это дело. Племянницу жалко, хорошая девочка, да вот, влипла.

ГЕНРИЕТТА. Залетела, что ли?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Что? Беременна? Нет, не думаю, она бы сказала, она от меня ничего не скрывает, чудо какая девочка. Теперь таких не найдешь. Не тому досталась, вот что я скажу. Н-да... но что поделаешь... Заболталась я...

ГЕНРИЕТТА. Да уж.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Генриеточка, вы просто чудо, так приятно с вами ... Побегу искать занавеску.

ГЕНРИЕТТА. Да не нужна мне твоя занавеска.

Ольга Карловна подходит к двери.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ну, что вы там топчетесь, входите, наконец.

Входит Катерина, за ней – Серафим.

Ольга Карловна выходит.

КАТЕРИНА. Здравствуйте...

ГЕНРИЕТТА. Привет, чудо-девочка.

КАТЕРИНА. Ах, это тетя... Всегда она что-нибудь такое скажет, что мне потом целую вечность стыдно...

ГЕНРИЕТТА. Да, болтает она без продыху.

КАТЕРИНА. Что делать, знакомиться любит. И нас всегда за собой тянет. Если в дом новый жилец заселяется, она самая первая знает и бежит, чтобы всех опередить. Может, это и неплохо, бывает, люди похуже вещи вытворяют. Если вам не хочется или вы устали, так мы уйдем.

ГЕНРИЕТТА. Он - твой муж?

КАТЕРИНА. Поженились месяц назад.

ГЕНРИЕТТА. Не предохранялись?

КАТЕРИНА. Что?..

ГЕНРИЕТТА. Беременна, спрашиваю?

КАТЕРИНА. Нет. Почему вы решили?

ГЕНРИЕТТА. Подумала, залетела, потому и женились.

КАТЕРИНА. Не все же так.

ГЕНРИЕТТА. По любви, что ли?

КАТЕРИНА. Ну что вы?! Разве можно!

ГЕНРИЕТТА. А твой что молчит? Эй, может, познакомимся? Ты, вроде, в гости пришел.

КАТЕРИНА. У него сегодня настроение плохое, с утра такой ходит.

ГЕНРИЕТТА. Зачем тогда привела? Сидел бы дома.

КАТЕРИНА. Он так и хотел, тетя вытащила.

ГЕНРИЕТТА. Эй ...

Генриетта подходит к Серафиму.

Небольшая пауза.

КАТЕРИНА. Не обращайте на него внимания.

ГЕНРИЕТТА. Тебя как зовут?

КАТЕРИНА. Серафимом. Имя необычное, правда?

ГЕНРИЕТТА *(Серафиму).* Меня – Генриетта, а тебя?

КАТЕРИНА. А меня – Катерина, Катя.

ГЕНРИЕТТА. Смотри-ка, молчит. Такое не часто встречается. Повезло тебе, Катерина.

КАТЕРИНА. Нет, я люблю, когда разговаривают. Мы же люди, должны общаться, иначе это неправильно, не по-человечески.

ГЕНРИЕТТА. А я устала от болтовни. Вся эта дребедень вот здесь у меня!

СЕРАФИМ. Серафим.

ГЕНРИЕТТА. Ожил!

СЕРАФИМ. Хорошая у тебя квартира. Просторная. До тебя здесь старуха жила, приходил я к ней иногда. Ничего, вроде, не изменилось, вот только мебели стало меньше.

ГЕНРИЕТТА. Я почти все выбросила, оставила стол, кровать, пару стульев...

СЕРАФИМ. Хорошая была старушка. Мне ее здорово не хватает.

ГЕНРИЕТТА. Где же она? Умерла?

СЕРАФИМ. Переехала просто.

КАТЕРИНА. Они, точно, дружили, она мне сама рассказывала: придет, бывало, Серафимушка, сядем мы с ним да начнем чаевничать, чаек пьем, я ему что-нибудь рассказываю из жизни своей, а он слушает, внимательно, не перебивает...

СЕРАФИМ. Я любил ее слушать.

КАТЕРИНА. Она такая старая была, все в ее голове перепуталось, перемешалось, а он верил.

СЕРАФИМ. Она говорила, что полторы тысячи лет прожила. Я ей верил.

КАТЕРИНА. Напрасно.

СЕРАФИМ. Ты только представь – полторы тысячи лет, полторы тысячи!.. Чего она только за свою жизнь не видела!

КАТЕРИНА. Что толку, если она ничего не помнила?

СЕРАФИМ. Ну не помнила, подумаешь дело! И я не помню, и ты, никто не помнит! В данном случае не это главное! Она прожила полторы тысячи лет! Ты понимаешь, что это значит?!

КАТЕРИНА. Я, может, больше проживу.

СЕРАФИМ. Не многие столько живут. Мне девяносто три!.. Это так мало, Господи!.. Я когда думаю о своем возрасте, мне кричать хочется!.. Такой идиотский возраст – девяносто три!.. И кто знает, протяну ли я еще пару сотен лет?!. Ах, так бы хотелось пожить!.. Полторы тысячи, полторы!.. Тебе сколько?!

ГЕНРИЕТТА. Двадцать три.

СЕРАФИМ. Мне тридцать один! Но я не об этом спрашивал!

КАТЕРИНА. Ой, он в последнее время стал таким нервным, просто ужас, раньше он таким не был. И, главное, непонятно почему. Вот сейчас, например... Что-то случилось, Сера?

ГЕНРИЕТТА. Сера?!

КАТЕРИНА. Да, я его так зову. Красиво, правда? И звучит приятней, чем Серафим. Разве нет? Не я придумала. У моей приятельницы мужа зовут Герасимом, так она ему прозвище придумала – Гера, чтоб покороче. А он такой симпатичный, этот Гера, стройный, спортивный... Вот я и Серафима приспособила. Только он у меня совсем спортом не занимается. Жалко... Я люблю мужчин, у которых мышцы видны, это так взбадривает...

ГЕНРИЕТТА. Взбадривает?

КАТЕРИНА. А когда мы с ним наедине, с Серафимом, я его называю – Серик.

ГЕНРИЕТТА. Серик?

КАТЕРИНА. Да! Всем нравится! И, действительно, звучит очень привлекательно, может быть, даже более того... И я сама с таким удовольствием произношу – не сердись, Серик, не нервничай, Серик, не переживай, Серик...

ГЕНРИЕТТА. Да чтоб ты!.. Его зовут Серафим!

КАТЕРИНА. Ну да, я и говорю... А сколько сейчас времени?

ГЕНРИЕТТА. Вечер.

КАТЕРИНА. Я спрашиваю, потому что должна лечь в определенное время, не позже девяти-полдесятого. Завтра рабочий день, мне рано вставать, и режим для меня очень важен. А прийти на работу и спать за рабочим столом – такое я не могу себе позволить. И выглядишь плохо, если не доспишь. И не спрячешься никуда, все друг у друга на виду.

ГЕНРИЕТТА. Ты еще и работаешь?

КАТЕРИНА. И я, и тетя, и Серафим – мы все работаем.

ГЕНРИЕТТА. Что ж ты делаешь?

КАТЕРИНА. Ведущий инженер-чертежник по вентиляционному оборудованию. Ой, это так интересно, я с таким удовольствием работаю. Конечно, от коллектива многое зависит, но тут жаловаться не приходится, повезло, люди – один другого лучше. Бывает так весело – не поверите. Ну, я как-нибудь расскажу...

ГЕНРИЕТТА. А ты чем занимаешься?

КАТЕРИНА. Он художник. Сидит, рисует целыми днями, хорошая работа. У него уже купили одну картину...

СЕРАФИМ. Зачем ты?..

КАТЕРИНА. Он злится, когда я говорю, что он художник.

СЕРАФИМ. Я вахтер.

КАТЕРИНА. Да, ну и что? Зарабатываешь деньги. Не много, но честно. И даже на вахте он умудряется рисовать. Умудрялся. Сидел себе, рисовал. А дом дорогой, люди богатые живут, проходят, смотрят, спрашивают, что да как... Потому и купили ту картину, что на виду был. Это раньше, а сейчас... сейчас у него рука болит, как раз правая, поэтому он и не рисует совсем.

СЕРАФИМ. Хватит.

ГЕНРИЕТТА. Полдесятого.

КАТЕРИНА. Правда?

ГЕНРИЕТТА. Тридцать две минуты.

КАТЕРИНА. Какой кошмар. Я побежала. Серик... Серафимчик, пойдем? Мы

уж надоели, наверное...

ГЕНРИЕТТА. А занавеси?

КАТЕРИНА. Какие занавеси?

ГЕНРИЕТТА. Твоя тетка обещала принести. Нам без него не справиться. Потолки высокие.

КАТЕРИНА. А может, завтра? Я приду с работы, Серафим тоже, и мы все вместе...

СЕРАФИМ. Завтра я работаю.

КАТЕРИНА. Ах, ну да. Хотите сегодня, значит, сегодня. Я тете скажу, чтобы она побыстрей, переезд – это всегда непросто, вам отдохнуть нужно, вы ведь устали наверняка. Я ее подгоню, не волнуйтесь. До свидания. Серафим?

СЕРАФИМ. До свидания.

КАТЕРИНА. А поцеловать?

СЕРАФИМ. Зачем?

КАТЕРИНА. Я где-то читала, муж всегда целует жену на ночь. Ты ведь мой муж?

СЕРАФИМ. Пожалуйста, поцелую.

ГЕНРИЕТТА. С поцелуями осторожней. От них и до любви недалеко.

КАТЕРИНА. Серьезно?

ГЕНРИЕТТА. Все начинается с поцелуев.

КАТЕРИНА. Тогда лучше без них обойдемся.

СЕРАФИМ. А я не боюсь.

ГЕНРИЕТТА. Чего?

СЕРАФИМ. Влюбиться не боюсь. Вот, пожалуйста.

Серафим подходит к Катерине, холодно, быстро целует ее.

СЕРАФИМ. Мне хоть бы что, совсем не трогает.

Катерина выходит.

ГЕНРИЕТТА. Значит, ты художник.

СЕРАФИМ. А ты?

ГЕНРИЕТТА. Я? Пустое место.

СЕРАФИМ. Не работаешь?

ГЕНРИЕТТА. И не учусь.

СЕРАФИМ. А живешь на что?

ГЕНРИЕТТА. Сама, не знаю. От предыдущего мужа остались копейки, с их

помощью и плетусь.

СЕРАФИМ. Хорошо тебе... А где же он, муж твой?

ГЕНРИЕТТА. Умер.

СЕРАФИМ. Умер?!

ГЕНРИЕТТА. Влюбился – и нет его, как не бывало.

СЕРАФИМ. В тебя влюбился?

ГЕНРИЕТТА. Думаешь, нельзя?

СЕРАФИМ. Я слышал, такое бывает... Жить надоело?

ГЕНРИЕТТА. Влюбился! Понимаешь, что это значит?!

СЕРАФИМ. Естественно... Это, когда человек неизвестно почему теряет разум и все летит, разлетается... Он уже не воспринимает действительность в ее реальном виде, она ему представляется какой-то извращенной, жуткой. Глаза влюбленного человека наливаются кровью, он превращается в нечто безобразное, неуправляемое, тупое... Бешеное животное по сравнению с ним – ангел. Что-то затемняет его разум, и в короткий срок этот человек умирает.

ГЕНРИЕТТА. Кто тебя всему этому научил?

СЕРАФИМ. Школьная программа.

ГЕНРИЕТТА. Школьная?

СЕРАФИМ. Сейчас, я слышал, даже детсадовская. Скоро родители начнут вдалбливать детям эту простую мысль с рождения. Я считаю, правильно. Ребенок обязан знать все извращения жизни, нечего от него скрывать, иначе сами поплатитесь. И если у меня будут дети – а они будут, обязательно будут, - я их воспитаю так, чтобы они видели жизнь, какова она есть, а не...

ГЕНРИЕТТА. Это правильно.

СЕРАФИМ. А у тебя были когда-нибудь дети?

ГЕНРИЕТТА. Тебе девяносто три года, а ты до сих пор не знаешь, что ни один человек не в состоянии охватить в памяти всю свою жизнь. Или этого в школьной программе нет? Помню лишь то, что было в последние двадцать три года! Тебе тридцать один?

СЕРАФИМ. Знаю-знаю! Помню лишь то, что было в последние тридцать один год! Но я хочу вспомнить всю свою жизнь! Понимаешь, всю!

ГЕНРИЕТТА. Зачем?

СЕРАФИМ. Да потому что это моя жизнь! Не чья-нибудь, моя!

ГЕНРИЕТТА. Ну, будешь ты все помнить, дальше что?!

СЕРАФИМ. Разве этого мало?! Любой человек хочет прожить как можно дольше – это нормально и правильно, но ненормально, что он не может вспомнить, как он прожил! Вот тебе, например, сколько лет?

ГЕНРИЕТТА. Пять тысяч.

СЕРАФИМ. И что ты можешь вспомнить за свои пять?.. Сколько?!

ГЕНРИЕТТА. Ты не ослышался.

СЕРАФИМ. Не может быть!..

ГЕНРИЕТТА. Не может.

СЕРАФИМ. Ты прожила пять тысяч лет?! Пять тысяч лет!.. Это же в три раза больше, чем она, соседка бывшая!.. Нет, я не верю!.. У тебя есть паспорт?

ГЕНРИЕТТА. Ты смешишь меня, Серафим. У меня и паспорт есть, держи... *(протягивает паспорт).*

СЕРАФИМ. С ума сойти!.. Год рождения - две тысячи девятьсот семьдесят пятый!., до нашей эры!..

ГЕНРИЕТТА. Я, Серафим, такая старая, что даже самой противно.

СЕРАФИМ. Что ты говоришь?! Это ведь счастье необыкновенное – прожить такую длинную жизнь! Я об этом и не мечтаю даже!.. Мне бы хоть половину, хоть четверть, хоть!..

ГЕНРИЕТТА. Все зависит только от тебя. Будешь стойким мальчиком, удержишься, не позволишь себе увязнуть в любви, спасешься и проживешь вечность.

СЕРАФИМ. Как я хочу этого, если б ты только знала! Столько эпох, столько людей, вообразить трудно!

ГЕНРИЕТТА. Жаль только, что в голове ничего не задержалось.

СЕРАФИМ. Что-нибудь остается, обязательно! Ты даже не знаешь об этом, а это в тебе, помимо воли, в голове, в сердце твоем!..

ГЕНРИЕТТА. Воля, сердце, прочий мусор!.. Мужу своему завидую.

СЕРАФИМ. Что ты говоришь, разве можно?!.. Я понимаю, человек умер, тебе его не хватает, вы, наверно, дружно жили, а сейчас все вдруг переменилось... Давно он умер?

ГЕНРИЕТТА. Полгода назад.

СЕРАФИМ. Полгода непросто одной быть... Я понимаю... Жалко, жалко. Я так думаю, если б у меня умер муж, мне бы тоже было не по себе.

ГЕНРИЕТТА. Ты о чем?

СЕРАФИМ. Нет, я в том смысле...

ГЕНРИЕТТА. Кому не по себе? Ему, что ли? Счастливый человек, вот кто он – взял да умер, не у каждого получается.

СЕРАФИМ. Не дай Бог такому получиться.

ГЕНРИЕТТА. Он любил, понимаешь ты или нет?! Ты знаешь, что это такое?!

СЕРАФИМ. Нет, и не хочу.

ГЕНРИЕТТА. А я хочу! Больше жизни своей никчемной хочу! Пять тысяч лет не могу увидеть нормального лица, пять тысяч лет некому душу излить, в глаза посмотреть, пять тысяч лет несчастий!..

СЕРАФИМ. Пять тысяч лет – это и есть счастье!

ГЕНРИЕТТА. Счастье я видела на лице своего... Не был он моим мужем, не успел... Сгорел, как свечка, за неделю. Если б ты только знал, как он был влюблен!.. Это и есть главное, самое главное в жизни! Любовь!

СЕРАФИМ. Она ведет к смерти!

ГЕНРИЕТТА. К смерти.

СЕРАФИМ. Смерть – это конец, пустота! А там нет никакой любви!

ГЕНРИЕТТА. Она есть здесь, что же еще нужно?! Жить просто так, лишь бы жить, это меня не устраивает! Вышла замуж по сексуальной совместимости, детей забацали по-случайности, живем по привычке – нет уж, такой жизнью живите сами!

Стук в дверь. Генриетта открывает. Входит Гавриил Теодорович.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ага, здравствуйте. Пришел я.

ГЕНРИЕТТА. Вижу, дальше что?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Крана нет. Все обыскал, не нашел. Такие вот дела...

ГЕНРИЕТТА. Ну?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не одно, так другое – вон чего нашел... *(достает бутылку).* За знакомство надо бы... А потом и кран посмотрим.

ГЕНРИЕТТА. Нет уж, лучше не будем.

Генриетта и Гавриил Теодорович заходят в комнату.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. К другой бы ни за что не пришел, ты – дело иное, приглянулась. Правду говорю. Молодая, душевная... Кому б еще – и квасу не принес, а тебе – вот... *(замечает Серафима).* Ты чего здесь? Нечего тебе по ночам по девушкам шастать. Жена молодая у него, пусть ее и обслуживает. Не так, что ли?

СЕРАФИМ. Без вас разберусь, кого обслуживать.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И не груби мне, я тебя со всех сторон старше!

СЕРАФИМ. Вот именно, что со всех.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И в отцы, и в деды гожусь, а ты, сосунок, перечишь!..

ГЕНРИЕТТА. Ты чего, Теодорыч, расшумелся? Был такой скромный, нерешительный... Поддал, что ли?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Не люблю, когда такие молокососы пожилых, то есть, старших не уважают! Мне обидно!.. А что поддал, так оно здесь ни при чем! Я, может, на радостях... Ты ж мне такие слова произнесла, не каждая такое скажет!.. А оно, знаешь, как приятно! Тебе такое и во сне не скажут. И оно тебе не надо, рисуй картинки да плюй в потолок. А что поддал – так это верно, было дело. Люди на радостях еще не то вытворяют. А у меня такое счастье!.. Ах, Гарни, как хорошо, что ты сюда переехала. Москва – город немалый, могла где угодно оказаться, но, слава Господу...

ГЕНРИЕТТА. Кто бы знал, как я не хотела в Москву!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну, ты скажешь, люди мечтают...

ГЕНРИЕТТА. Ненавижу этот город. Все города не люблю, Москву - особенно.

СЕРАФИМ. Почему?

ГЕНРИЕТТА. Видимо, было у меня здесь что-то совсем уж гадостное, вот только что – не знаю, давно, видимо, случилось, еще в другой жизни.

СЕРАФИМ. Зачем же переехала?

ГЕНРИЕТТА. Надоело мне все, чем хуже, тем лучше.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну, ты сказанула. Чего же в том хорошего, когда хуже?

СЕРАФИМ. А где ты раньше жила?

ГЕНРИЕТТА. В Вильнюсе.

СЕРАФИМ. За границей?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Какая там заграница, название одно. Не то, что Москва, у нас тут чего хочешь есть – и Вильнюс, и Париж с Лондоном, так что не пожалеешь, что перебралась. Что ж мы в сухую-то? Продукт киснет, а мы лясы точим. Не дадим добру испортиться! Стаканы, штопор есть у тебя?

ГЕНРИЕТТА. Сейчас принесу.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Два стакана. Он не будет.

Генриетта выходит.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Молод еще пить, вот что. И не надо оно тебе, пить, говорю, незачем, иди лучше спать. Жена будет рада. Как кран у тебя?

СЕРАФИМ. Что?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А-ха-ха! Слышишь-слышишь?! Не понимает! А-ха-ха! Я чего спрашиваю – кран не течет?

СЕРАФИМ. Нет. Почему вас это интересует?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А-ха-ха, не понимает! И не каплет?

СЕРАФИМ. Не замечал.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Смотри, жена заметит, не обрадуешься, а-ха-ха!

СЕРАФИМ. Вы же не пойдете сейчас ремонтировать?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А-ха-ха! Не, не пойду!.. Мой бы кто отремонтировал!..

Входит Генриетта с тремя стаканами и штопором в руках.

ГЕНРИЕТТА. Хорош орать, Теодорыч, башка от тебя трещит.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Он ни хрена не смыслит, я поэтому!

ГЕНРИЕТТА. Не выступай, сказала же. Лучше бутылку открой.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Это я с удовольствием.

Гавриил Теодорович откупоривает бутылку.

ГЕНРИЕТТА. Так что ты рисуешь, Серафим?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ни хрена он не рисует. Симулянт, рука у него болит. Я так понимаю, одна болит, другой рисуй, а не можешь рисовать, на фабрику иди, на завод, нечего бездельничать.

ГЕНРИЕТТА. Помолчи, не с тобой разговариваю!

СЕРАФИМ. Он прав, я действительно давно не писал.

ГЕНРИЕТТА. А раньше, когда с рукой все было в порядке?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Видел я его картину. Со мной такое творится, когда переберу под крышу – дома, люди, отбросы всякие, все перед глазами летает, кружится, покою не дает. Не люблю я этого. Лучше уж упасть где-нибудь в углу и лежать там спокойно до утра.

СЕРАФИМ. Я больше не рисую.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот и правильно и не рисуй никогда, молодцом будешь. Сто граммчиков тебе за это.

ГЕНРИЕТТА. Почему не рисуешь?

СЕРАФИМ. Сам не понимаю. Настроения нет, сосредоточиться не могу, мысли носятся, как сумасшедшие, мешают. И знаю, чего хочу, а думаю о другом, постороннем, о ерунде всякой думаю. О жизни хорошей, долгой, бесконечной...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. У тебя жена для того есть, чтоб думать. Гляди, может, и придумает чего. Бабы народ такой, ежли что не по их, найдут, куда податься. Так что смотри, парень, будь начеку и гляди, чтоб кран не подтекал.

СЕРАФИМ. Опять вы с этим краном!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А без него – кому мы нужны? Подставляй стаканы.

Гавриил Теодорович разливает вино.

СЕРАФИМ. Напиться бы...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ, Разве с этого напьешься.

СЕРАФИМ. Наливайте!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я ему хоть всю бутылку отдам, лишь бы ушел... Ну!.. *(Серафиму).* Эй, погоди, ты чего сдурел, что ли?! Смотри на него! Кто так пьет! Обожди, говорю! Сказать нужно! Или тебе сказать нечего? Чего сказать-то? Давай за знакомство, что ли. За тебя, значит, Гарни.

СЕРАФИМ. За тебя, Генриетта.

В дверь стучат.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Тьфу, зараза, выпить не дадут!

Генриетта открывает дверь. Входит Ольга Карловна.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Заждались? Еле их отыскала. В кладовке столько всякой всячины, пока разобралась... Смотрите, какие! Не чудо ли? Хоть и пролежали много лет, а все равно, как новые. Даже цветочки не поблекли. Украсят любую квартиру. Сейчас мы их повесим...

Генриетта и Ольга Карловна проходят в комнату.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А, и ты здесь, Гавриил? Бутылка. Всегда с тобой одно и то же.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А что? Человек приехал, отметить надо, а то не по-людски как-то. Стоим тут, начать никак не можем. Тебя ждем. На мой стакан. Я из горла буду. За нее, чтоб ей жилось тут хорошо, чтоб все нормально было, чтоб кран не капал...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Господи!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Бери стакан. Терпеть нет мочи, вон и Серафим слюной изошелся.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Как же вы без закуски? Я принесу...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Зачем же тогда пить? Набьешь брюхо, никакое зелье не пробьет. Лучше тост скажи.

ГЕНРИЕТТА. А без слов нельзя?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. За вас хочу выпить, Генриетта. Пусть в этом доме вам улыбнется счастье! Найдите себе друга, создайте семью, детей нарожайте...

ГЕНРИЕТТА. Я не люблю детей.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Как?

ГЕНРИЕТТА. С собой бы разобраться.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ну хорошо, детей не надо, потом когда-нибудь... В общем, что говорить, будьте счастливы.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Давно бы так.

Все пьют.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ох, крепкое какое.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Стало быть, выпили... Ну?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Что?

СЕРАФИМ. Хорошее вино, Генриетта.

ГЕНРИЕТТА. Опасное.

СЕРАФИМ. Почему?

ГЕНРИЕТТА. Любое вино опасно, Серафим.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Верное слово нашли, Генриеточка. Я все время Гавриилу говорю: не пей, подумай о своем здоровье.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Что будет дальше, не знаю, может, трезвенником стану, может, положение позволять не будет, но в этой жизни буду пить до самой смерти. Оно мне нравится, Когда занавеску вешать будете?

ГЕНРИЕТТА. Оставьте, сегодня обойдусь без занавесей.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А как же спать? С открытыми окнами – просто немыслимо.

ГЕНРИЕТТА. Не сегодня.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот и правильно, выдумали тряпки на окна вешать. Не надо, нам нечего скрывать! Собирай свое барахло...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Да что с тобой такое, Гавриил?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Собирай все, его бери, и давайте!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Как ты разговариваешь? Что ты себе позволяешь?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Собирай манатки!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Прекрати сейчас же! Ты не смеешь так разговаривать со мной!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего? Я все могу!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Напился, как свинья, и что себе позволяет! Постыдился бы! Первый раз в дом пришел и!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да ну тебя к черту!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Господи!.. Вы слышали?! Таким я его никогда не видела!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я тебя сколько раз просил? Или, скажешь, не просил?!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Что, о чем?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. О том! А?! Нету?! А у нее есть! У Генриетты другой взгляд на это дело!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. О чем ты?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Сама знаешь, не строй из себя!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Совсем с ума сошел!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот и иди! И разговаривать с людьми научись, чтоб по-доброму было...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Не о чем мне с тобой говорить! Ты двух слов связать не можешь! И не груби мне! И не тыкай!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Другие поумнее тебя будут, а не гнушаются! Что смотришь?! Оно тебе не понятно и не может быть... мозгов твоих не хватит такое вообразить! Можно подумать, сама Бог весть что!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Человек не имеет понятия о том, как себя можно вести, как нельзя, его никто никогда не учил! Вы простите это свинство, Генриеточка!

ГЕНРИЕТТА. Мне – плевать.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Съела?!

ГЕНРИЕТТА. Вино бродит в душе моей, мне сейчас на все плевать.

СЕРАФИМ. Вино бродит в душе твоей?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Тебе не понять, молод еще. Ступай домой. Тряпки вешать не будем, вот и отдыхай. Скажи ему, Гарни, чтоб шел.

ГЕНРИЕТТА. Что-то будет, что-то будет... Петь хочется – это хороший знак. Как считаешь, Серафим?

СЕРАФИМ. Человек с плохим настроением редко поет.

ГЕНРИЕТТА. Вино бродит в душе моей.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А я когда выпью, танцевать хочу.

ГЕНРИЕТТА. Танцевать?!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Да-да, не смейтесь. Ноги не могут стоять на месте, хоть цепями крути.

ГЕНРИЕТТА. Что ж ты стоишь, мучаешься?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Вино должно проникнуть в кровь, ударить в голову, а оттуда – в ноги. И тогда ничего со мной не сделаешь.

СЕРАФИМ. Вам надо пить чаще, Ольга Карловна, а то вы всегда недовольны, придираетесь вечно. Я вам теперь каждый день покупать буду.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ща плясать начнет, а выступала больше всех, чуть не матом обзывалась. Вот оно! Вино! Великое изобретение человеческое! Вот я и говорю... Каждый пляшет на своей территории. Ну? Расходиться пора, вот чего. Все устали... ну и... До завтра.

ГЕНРИЕТТА. Ты не любишь танцевать, Теодорыч?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я ж не потому! Я для того, чтоб они помещение освободили, чтоб ты... чтоб мы... ну, чего говорить, ты знаешь...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Того и гляди начнется.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Оркестр тебе выписать, что ли?

СЕРАФИМ. Здесь у старушки патефон был и пластинок куча, она его заводила, когда хорошее настроение было.

ГЕНРИЕТТА. Если с собой не утащила, значит, есть. Ищи, чувствуй себя, как дома.

Серафим достает патефон.

СЕРАФИМ. Здесь, здесь, все на месте... Как мне нравятся такие штуки... Сейчас-сейчас...

Серафим крутит ручку патефона, ставит пластинку.

Звучит музыка, песня.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Французы!

СЕРАФИМ. У нее всякие есть - и немцы, и американцы...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего разговаривать? Пляши, коль хотела, оркестр прибыл.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Не люблю французов.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. На себя посмотри! Французы ей, видишь, не нравятся! Чего есть, под то и пляши!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Не подступило пока. Но скоро, я чувствую. А французы мне не нравятся, потому что музыка у них скучная, мне бы повеселей хотелось. Смени

пластинку, Серафимушка.

СЕРАФИМ. Тут джаз есть, хотите?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Джаз? А может, еще что-нибудь? Не понимаю я этого джаза. Как танцевать – не знаю.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ни черта ты не можешь! Болтаешь только! Тебе такую музыку играют, а ты – все одно! Собирайся, нечего без толку стоять!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Мне немцы нравятся. Поставь немцев!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Замучила ты уже всех! Будешь плясать или нет?!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Подступает!.. Подступает!..

ГЕНРИЕТТА. Сдохнуть с вами можно! Давай ей немцев, Серафим.

СЕРАФИМ. Готово!

Звучит немецкая песня.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ах, Господи!..

Ольга Карловна начинает танцевать.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Во дает! А все под приличную косила. Если б я раньше знал, не стал бы с ней цацкаться.

Ольга Карловна берет за руку Гавриила Теодоровича.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Нет уж, милая, теперь у меня к тебе интереса нет, получше тебя имеются. Вон его зови.

Ольга Карловна тянет танцевать Серафима.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Смотри, как разошлась, скоро не остановится. А мне завтра на работу, сама понимаешь. Так я чего говорю... Может, нам удалиться куда? А что? Дело понятное, обычное. Куда бы нам?..

ГЕНРИЕТТА. Ой, Теодорыч!.. Ты мне здесь нужен!.. Ой, не могу!.. Смотри, что вытворяют!.. Такого я еще не видела!.. Смотри, смотри!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Подумаешь, дело. Оно не трудно. Давай и мы с тобой, хочешь?

ГЕНРИЕТТА. Приглашаешь, значит?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А что ж мы не люди, что ль? Но только вальс, по-другому я не умею.

ГЕНРИЕТТА. Как же мы будем под такую музыку вальс танцевать?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Будь спокойна, я тебя научу, я по вальсу большой специалист. Прижимайся сильней. Ты ж меня чувствовать должна.

ГЕНРИЕТТА. Да?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А я – тебя.

ГЕНРИЕТТА. Вот так?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ох!..

ГЕНРИЕТТА. Что?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чувствую!

ГЕНРИЕТТА. И как?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ох!.. Надо попробовать... плохому не научу...

ГЕНРИЕТТА. Танцевать можешь?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Оно ж... Ох!.. Мешает что-то... Ты, Гарни, меня слушай, Ох!..

ГЕНРИЕТТА. Прижаться?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Обожди.

ГЕНРИЕТТА. Музыка кончается.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ну и ладно, она нам все равно не подходит. Давай, Серафим, чего-нибудь помедленней.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Мне пить совсем нельзя! Такое со мной творится, самой смешно. А сделать ничего не могу. Я танцевать хочу! Что там с музыкой, Серафим?

СЕРАФИМ. Итальянское что-то.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Очень хорошо.

Звучит итальянская песня.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Значит, ты помнишь? Прижимайся!

ГЕНРИЕТТА. Боюсь я тебя, Гавриил. Такой ты страстный, кошмар! И я с тобой перевозбудилась, нам нужен холодный душ. Иди к Ольге, я – к Серафиму.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я не хочу с ней плясать!.. Эй, Гарни, ты куда?! Стой, Гарни, оно ж нечестно! Мы – с тобой, а до них нам нет дела! Гарни!..

Генриетта подходит к Серафиму.

СЕРАФИМ. Она с ума сошла.

ГЕНРИЕТТА. Я – тоже.

СЕРАФИМ. Что?

ГЕНРИЕТТА. Танцевать хочу!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Он не может! Сама посмотри, он ни на что не годится. А я могу, могу!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Гавриил...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Уйди! Ты барышня важная, куда мне простому

человеку, слесарю, до тебя! Нет, нам с тобой вместе никак нельзя. Погоди, не крутись, я же с ней разговариваю.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А я – с тобой.

Ольга Карловна притягивает Гавриила Теодоровича к себе.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ты хороший мужик, Гавриил, только упрямый очень. Не надо быть таким. Послушай, ах, какая музыка!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Разве с тобой чего услышишь?!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Потанцуем и забудем все обиды.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я на тебя и не обижался, просто Гарни...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Ч-шш...

Она обнимает его, танцуют.

ГЕНРИЕТТА. Серафим...

СЕРАФИМ. Генриетта...

ГЕНРИЕТТА. Обними меня.

Серафим обнимает Генриетту, они танцуют.

ГЕНРИЕТТА. Как хорошо!..

СЕРАФИМ. Да, очень. Я и не думал, что может быть так хорошо...

ГЕНРИЕТТА. Не думал?

СЕРАФИМ. Думал.

ГЕНРИЕТТА. И я тоже. Вот только не знала, как это произойдет.

СЕРАФИМ. Что?

ГЕНРИЕТТА. Как ты возьмешь меня за руку, обнимешь...

СЕРАФИМ. А ты хотела?

ГЕНРИЕТТА. Да.

СЕРАФИМ. И я. Нет... Я боюсь немного...

ГЕНРИЕТТА. Чего?

СЕРАФИМ. Сам не знаю. Всего, наверное.

ГЕНРИЕТТА. Не бойся, Серафим, не бойся.

СЕРАФИМ. Что-то тревожит меня, а я не знаю что. Это глупо, правда?

ГЕНРИЕТТА. Совсем не глупо, мне тоже не по себе.

СЕРАФИМ. Да? Страх вместе с чем-то новым, настолько необычным...

ГЕНРИЕТТА. Что даже не знаешь, как к этому отнестись. И именно поэтому страх.

СЕРАФИМ. Да. Что же это такое? Ты понимаешь?

ГЕНРИЕТТА. Нет.

СЕРАФИМ. Как страннно!.. Обними меня, Генриетта.

ГЕНРИЕТТА. Серафим, Серафим...

СЕРАФИМ. Как хорошо!..

ГЕНРИЕТТА. Спасибо старушке, что оставила патефон. Не знаю, что бы мы без него делали. А знаешь, мне кажется, я впервые танцую, то есть, я не помню, чтобы когда-нибудь танцевала.

СЕРАФИМ. А я – второй раз. Первый – с Ольгой Карловной.

ГЕНРИЕТТА. Это было здорово. Ты меня развеселил.

СЕРАФИМ. Я и хотел тебя развеселить.

ГЕНРИЕТТА. Правда?

СЕРАФИМ. Хотел услышать твой смех...

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Эй, музыка давно кончилась, хорош обниматься! Гарни, ты чего творишь?! Ты же мне обещала!..

ГЕНРИЕТТА. Смотри-ка, тут, кроме нас, еще кто-то есть. Вы кто такие?

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ладно, не придуряйся, все равно не поверю. *(Серафиму).* Чего вцепился, отпусти, небось, оно не твое. Жена там страдает, несчастная, а он танцы отплясывает.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я ей говорила – не выходи за художника, от них одни беды и никакого толка. Ходят гениями, а денег как не было, так и нет. Никому такая гениальность не нужна. Тем более, еще неизвестно, что он на самом деле из себя представляет...

СЕРАФИМ. Известно. Бездарь.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Хуже! Вон как вцепился, паразит! Иди к жене!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Гавриил Теодорович прав, ты, кажется, забыл о Катеньке. Странно себя ведешь, Серафим.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Оглох, что ли?! Оно ж тебе говорят! Уйди в сторону и слушай, чего умные люди думают! Уйди, говорю! Отойди!

СЕРАФИМ. Что вы лезете?!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вот зараза! Я тебе, бездарю, покажу!..

СЕРАФИМ. Уйдите от меня!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Слыхали?! Вот оно, вот!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Пожилого человека бить, избивать на глазах у всего дома!.. И кто это делает?! Муж моей племянницы! Боже, какой позор! Какой стыд,

какой!..

ГЕНРИЕТТА. Ну все, поговорили и хватит! До свидания, тетя.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я вам не тетя! Какое безобразие!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я тебе давно говорил – бери его и уходите! Не послушалась?! Теперь расхлебывай!

ГЕНРИЕТТА. И ты, дядя, иди.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Чего?!

ГЕНРИЕТТА. Валите, говорю, надоели.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ты чего говоришь?! Это ж я! Я тебе бутылку принес! Зря, что ли?! Гони, чего обещала!

ГЕНРИЕТТА. До свидания.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Секс давай! Она мне секс обещала! Где оно?!

ГЕНРИЕТТА. Иди отсюда! И ты тоже! Бери свою тряпку и проваливайте!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Какой ужас, какой кошмар! Я-то, дура, к ней со всей душой, последнее отдать хотела, а она!.. Злодейка! Наглая совратительница и злодейка! Ноги моей в этом доме не будет!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. И моей! Будет секс или нет?! Нет?! Не будет?!! И черт с вами! Не буду ваш кран чинить, хоть весь квартал залейте! Плевать мне! Ну?! Прибежите, сами приползете, рыдать, умолять будете, а я – на! В последний раз спрашиваю! Нет?! Зараза! *(Серафиму).* Через тебя все, бездарь! Ну, я тебе попомню, я тебе все, гаду!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Отдайте занавесь! Пойдем, Гавриил!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Я из твоего крана!.. Я ему!.. Гад! Оно ж ведь!..

Ольга Карловна, Гавриил Теодорович выходят.

ГЕНРИЕТТА. Наконец мы одни.

СЕРАФИМ. У тебя красивые глаза, Генриетта... Ты вся... Ты очень красивая! Ах, Господи, что я говорю! Разве можно об этом говорить! Самые прекрасные слова теряют свое значение, становятся пустым звуком, когда рядом ты! Все меркнет рядом с тобой! Генриетта, Генриетта!

ГЕНРИЕТТА. Серафим! Я тебя как увидела, сразу подумала: вот в этого человека я могла бы... Влюбиться.

СЕРАФИМ. Влюбиться?

ГЕНРИЕТТА. И мне кажется, что я уже...

СЕРАФИМ. Нет-нет, не говори больше ни слова! Не надо!.. Я хочу жить,

понимаешь, очень хочу жить, долго, может быть, даже больше, чем многие... Я хочу, как ты. Пять тысяч лет!..

ГЕНРИЕТТА. Был бы от этих тысяч толк, но жить – лишь бы жить – это так глупо, так тяжело!.. Невыносимо, Серафим! Я жизнь свою по учебнику истории знаю. К тому же очень плохо. Что говорить! Матери своей не помню! Отца даже не представляю! Господи, что может быть страшней!

СЕРАФИМ. У меня есть фотографии и, мне кажется, среди женщин на снимках есть одна...

ГЕНРИЕТТА. Даже – если. Не поверит она тебе, ничему не поверит, ни единому твоему слову, ни единой фотографии, и родинки на твоем теле не помогут ей вспомнить тебя, себя! Она живет настоящим, Серафим, все живут настоящим, ничего из прошлого в ее голове не осталось. Да и зачем ей чужое прошлое?! А главное, оно и тебе совершенно не нужно. Вас ничего не связывает, она уже и не мать тебе! Чужой человек, которого, когда ты придешь, вполне возможно, будет тащить за руку ее теперешний, любимый и единственно настоящий ребенок. Понимаешь?

СЕРАФИМ. Не хочу понимать! Ненормально все это! Если есть сын, дочь, у них должна быть мать, обязательно должна, иначе и быть не может!

ГЕНРИЕТТА. Может.

СЕРАФИМ. Жуткий, чудовищный мир, в котором мы живем!

ГЕНРИЕТТА. Да пусть будет мир таким, каким он хочет быть, мне до него нет дела, главное, нам не превратиться в чудовищ.

СЕРАФИМ. Да, ты права.

ГЕНРИЕТТА. Ах, Серафим...

СЕРАФИМ. Мне так хорошо с тобой! Господи, мне никогда не было так хорошо! И никогда ни с кем я так не говорил, только сейчас с тобой... Генриетта!.. Какое счастье, что ты приехала в наш дом! И мы можем!.. И я, и ты!.. Какое счастье чувствовать тепло твоих рук!..

ГЕНРИЕТТА. Какое счастье чувствовать тепло твоих рук!..

СЕРАФИМ. Твое дыхание!..

ГЕНРИЕТТА. Твое дыхание!..

СЕРАФИМ. Биение твоего сердца!

ГЕНРИЕТТА. Биение твоего сердца!..

СЕРАФИМ. Тебя!

ГЕНРИЕТТА. Тебя!

СЕРАФИМ. Но...

ГЕНРИЕТТА. Что?

СЕРАФИМ. Все когда-нибудь кончается, Генриетта. Ты правильно сказала, я не могу исправить этот чудовищный мир.

ГЕНРИЕТТА. Я сказала, что исправлять надо себя.

СЕРАФИМ. У меня есть жена, Генриетта.

ГЕНРИЕТТА. У меня был муж. Ну и что?

СЕРАФИМ. Твой муж умер, а она жива!

ГЕНРИЕТТА. Я ей сочувствую.

СЕРАФИМ. Мы расписаны. Я ее муж. Ты понимаешь, что это значит?

ГЕНРИЕТТА. Нет.

СЕРАФИМ. Я клятву давал, обещал быть с ней в радости и в горе, всегда рядом, до самой смерти...

ГЕНРИЕТТА. В вашем варианте смерти не будет.

СЕРАФИМ. Ну и хорошо, я хочу жить долго...

ГЕНРИЕТТА. Серафим... поцелуй меня.

СЕРАФИМ. Как?

ГЕНРИЕТТА. Ты же целуешь свою жену?

СЕРАФИМ. Да, но это...

ГЕНРИЕТТА. Вот и меня поцелуй.

СЕРАФИМ. Мне страшно.

ГЕНРИЕТТА. Мне тоже.

Губы их сближаются...

Стук в дверь.

СЕРАФИМ. Не открывай.

ГЕНРИЕТТА. Это, наверно, Гавриил.

СЕРАФИМ. Зачем он пришел?

ГЕНРИЕТТА. Не знаю.

Более настойчивый и продолжительный стук в дверь.

СЕРАФИМ. Он обнимал тебя!

ГЕНРИЕТТА. Нет.

СЕРАФИМ. Я видел!

ГЕНРИЕТТА. Он держал меня за руку, за талию...

СЕРАФИМ. Вот!

ГЕНРИЕТТА. Я ведь с ним танцевала, как же иначе?

Сильный стук в дверь.

СЕРАФИМ. Я убью его! Я убью тебя, Гавриил!..

ГЕНРИЕТТА. Серафим! Серафим, остановись, не надо!..

Серафим распахивает входную дверь, входит Ольга Карловна, за ней - Катерина.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. На женщину замахиваешься?! На женщин! На жену свою!.. Вот, Катерина, об этом я и говорила!

КАТЕРИНА *(Генриетте).* Он – мой муж.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. А вы, девушка, разбиваете семью, что по всем законам!.. Вы безнравственны, Генриетта.

КАТЕРИНА. Это свидетельство о браке, здесь черным по белому стоит...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. На нее надо подать в суд, и дело с концом!

КАТЕРИНА. Пойдем домой, Серафим.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Господи, он еще здесь?! Как только совести хватает?!. Жена тебя кормит, одевает, терпит, бездельника!.. А он!.. Иди домой!

КАТЕРИНА. Зачем она тебе нужна? Посмотри, она совсем некрасивая.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Разве можно сравнить?! Катерина – она будто с картины сошла, все при ней! А эта – и смотреть не на что! Ну, чего встал?! Жена у тебя, дурака, добрая, я бы на ее месте!..

КАТЕРИНА. Пойдем. Я чай поставила...

СЕРАФИМ. Я не хочу чая.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Я ей кофе одолжу, иди.

СЕРАФИМ. Не в кофе дело.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Смотри, жена мучается, страдает, лица на ней нет, а ты здесь шуры-муры!.. Вы, Генриетта, семью разрушаете! Великий грех, вот, что я вам скажу!

КАТЕРИНА. Мы ведь так хорошо жили, почти никогда не ссорились... Может, я и виновата была когда, несправедлива к тебе, невнимательна, но...

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Она исправится, поверь мне.

КАТЕРИНА. Я ребенка хочу. Давай, заведем ребенка?

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Правильно, сейчас же и заведите.

КАТЕРИНА. Серик!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Серунчик!..

СЕРАФИМ. Хорошо.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Молодец! Я всегда говорила, что ты настоящий художник... то есть, человек, муж. А жена у тебя – красавица, позавидовать можно.

КАТЕРИНА. Я приготовлю вкусный ужин.

СЕРАФИМ. Тебе же спать надо.

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Не поспит, такая ее женская доля.

КАТЕРИНА. Позвоню на работу, попрошу отгул. Пойдем.

СЕРАФИМ. Пойдем.

Они подходят к двери, Серафима выпроваживают первым. Ольга Карловна и Катерина на секунду задерживаются в дверях.

Маленькая пауза.

В комнату врывается Серафим.

СЕРАФИМ. Нет, не могу! Не могу я никуда идти! Уж ты прости меня, Катя, но это не в моих силах! Ничего не могу с собой поделать! Не от меня зависит!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. От нее?!

СЕРАФИМ. Генриетта!.. Я не уйду! Ты слышишь?! Генриетта!..

ГЕНРИЕТТА. Серафим!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Какой стыд!

В незапертую дверь входит Гавриил Теодорович.

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Вы еще здесь? Эй, Гарни, я бутылочку принес. Выпьем? Но только ты да я, без посторонних. О, и Катерина тут. Оно и лучше. Бери своего, уводи с глаз, он мне и так здесь столько нагадил!..

СЕРАФИМ. Я не могу без тебя, Генриетта! Не хочу! Я буду все время с тобой, ни на секунду не покину тебя!..

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Ой!.. Оно ж!.. Вот так история!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. При живой жене!

ГЕНРИЕТТА. Я не смогу без тебя жить, Серафим!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. А я бутылку принес! Такие затраты, а никакого сексу! Слышь, Катерин, твой чего вытворяет-то, отбил у меня бабу, подлец!

КАТЕРИНА. Ты посмотри на них, тетя! Какой ужас!

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Звони в милицию, пока не поздно!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Да что твоя милиция?! Я его бутылкой, гада! Не пожалею!

ГЕНРИЕТТА. Я люблю тебя!

СЕРАФИМ. Нет, Генриетта, нет! Не говори, не произноси этих слов, пожалуйста!

ГЕНРИЕТТА. Разве в словах дело? Они не имеют никакого значения. Только чувства, наши с тобой чувства... Милый мой, Серафим!..

СЕРАФИМ. Мы умрем?! Господи, куда меня несет!..

ОЛЬГА КАРЛОВНА. Такого я еще не видела!

ГАВРИИЛ ТЕОДОРОВИЧ. Помрешь, дурень, я тебе обещаю! От моей руки издохнешь!

ГЕНРИЕТТА. Я счастлива! Впервые за всю мою долгую, скучную жизнь счастлива!

СЕРАФИМ. Генриетта!..

ГЕНРИЕТТА. Я люблю тебя!

СЕРАФИМ. Я люблю тебя!

Люди, мебель, комната, все куда-то летит, улетает...

Остаются лишь Генриетта и Серафим.

СЕРАФИМ. Мы умерли?!

ГЕНРИЕТТА. Похоже на то.

СЕРАФИМ. Господи, какое счастье, теперь можно жить!

ГЕНРИЕТТА. Мы говорим, дышим, можем трогать друг друга...

СЕРАФИМ. А они? Куда они все подевались?

ГЕНРИЕТТА. Главное, что мы вместе. И нет никого, ничего – только мы с тобой!

СЕРАФИМ. Только мы с тобой!

ГЕНРИЕТТА. Я люблю тебя, Серафим!

СЕРАФИМ. Я люблю тебя, Генриетта!

КОНЕЦ.

© И. Члаки

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено.
Все права защищены.